

·thebigbook·

К Н И Г И
Роберта Маккаммона,
опубликованные
Издательской Группой
«АЗБУКА-АТТИКУС»

Жизнь мальчишки

Лебединая песнь

Слышащий

Граница

Кусака

ПРИКЛЮЧЕНИЯ МЭТЬЮ КОРБЕТТА

Зов ночной птицы

Королева Бедлама

Мистер Морг

РОБЕРТ
МАККАММОН

*Мистер
Морг*



АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
М 15

Robert McCammon
MISTER SLAUGHTER
Copyright © 2010 by McCammon Corporation
DEATH COMES FOR THE RICH MAN
Copyright © 2012 by Robert McCammon
MATTHEW CORBETT'S WORLD
Copyright © 2010 by Robert McCammon
All rights reserved

Публикуется с разрешения автора и его литературных агентов,
Donald Maass Literary Agency (США) при содействии
Агентства Александра Корженевского (Россия).

Перевод с английского Александра Александрова

Иллюстрация на обложке и оформление обложки
Сергея Шикина

ISBN 978-5-389-19070-2

© А. П. Александров, перевод, 2022
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2022
Издательство АЗБУКА®

Muster
Mozz

Памяти моего друга Чарльза Гранта

Часть первая

ЗУБ ЧУДОВИЩА

ГЛАВА 1

Эй, слушай! — гудел октябрьский ветер, насквозь продувавший нью-йоркские улицы, то взвиваясь, то налетая сверху. *Вот что я расскажу! Стихия гуляет, но до прогулок ли людям? Вон тому долговязому джентльмену, что идет мимо, шатаясь, удастся ли устоять под моим натиском, пока я не швырнул его об стену? А тот, толстопузый, успеет ли догнать свою треуголку, когда я сорву ее у него с головы? Завывая, всех толкая, я по городу лечу, и любого скакуна я вам в два счета обскачу!*

«С тобой не поспоришь», — ответил про себя Мэтью Корбетт.

То-то же! Встречай и провожай меня с почетом, и знай: невидимое может оказаться силой, с которой ни одному человеку не совладать.

В этом у Мэтью не было ни малейших сомнений: он сам едва удерживал на голове треуголку и вот-вот мог быть опрокинут порывами ветра.

Было почти полдевятого. В этот вечер, в четверг второй недели октября, молодой человек оказался на улице не случайно. К восьми тридцати ему велено было явиться на угол Стоун-стрит и Брод-стрит, а невыполнение приказа было чревато самыми тяжкими последствиями. В эти дни Хадсон Грейтхаус, его компаньон и старший партнер по бюро «Герральд», едва ли позволил бы Мэтью усомниться в том, кто тут хозяин, а кто — что уж скрывать — раб.

Прохожие, шедшие в одну сторону, как будто пытались проломить невидимые стены, а те, кто двигался в другую, пролетали мимо, словно были не горожанами, а кучами тряпья. Бодро пробираясь дальше по Куин-стрит в южном направлении,

он подумал, что строгость, которую Грейтхаус проявляет в последнее время, все-таки относится скорее к славе Мэтью, чем к его подневольному положению.

Как-никак Мэтью стал знаменитостью.

«Не кажется ли тебе, что ты слишком задираешь нос?» — уже не раз спрашивал его Грейтхаус после того, как была разгадана тайна Королевы Бедлама.

«Положим, — спокойно отвечал ему Мэтью (если можно оставаться спокойным, когда говоришь с человеком-быком, готовым при первом же неосторожном слове ринуться на тебя, как на красную тряпку). — Но так мне лучше видно вокруг». Этого оказалось недостаточно, чтобы бык на него бросился, но вполне хватило, чтобы он фыркнул, злорадно предвкушая будущую расправу.

Но ведь Мэтью действительно прославился. Его летние подвиги, когда он пытался установить личность Масочника и чуть не отдал Богу душу в имении Капелла, вдохновили городского печатника Мармадьюка Григсби на целый шквал статей в «Уховертке», сделавших эту авторитетную газету даже популярнее вечерних собачьих боев по субботам у причала Пека. Самая первая история была написана сразу после июльского приключения, она освещала события в сдержанных тонах и довольно достоверно (этому поспособствовали угрозы главного констебля Гарднера Лиллехорна сжечь печатню), но когда внучка Мармадьюка подробно поведала о своей роли в том, что произошло, старый охотник за сенсациями стал чуть ли не круглые сутки тщетно караулить у жилища Мэтью — бывшей молочной, находившейся прямо за домом Григсби и типографией.

Из приличия и руководствуясь здравым смыслом, Мэтью сначала не поддавался соблазну рассказывать обо всех обстоятельствах дела, но со временем ему становилось все труднее держать оборону, и наконец он сдался. К третьей неделе сентября в типографии была набрана «Доселе неизвестная история схватки нашего согорожанина Мэтью Корбетта с лютыми лиходеями и грозившей ему чудовищной гибели. Часть первая», и тут газетная машина завертелась, а огонь воображения Григсби запылал во всю мощь.

И вот на следующий день Мэтью, который до сих пор был просто молодым человеком двадцати трех лет от роду, волею судьбы и случая возвысившимся из нью-йоркских оборванцев сперва до секретаря мирового судьи, а потом и до младшего «решателя проблем» в бюро «Герральд» со штаб-квартирой в Лондоне, обнаружил, что за ним повсюду следует умножающаяся толпа людей, сующих ему перья, чернильницы и экземпляры «Уховертки», дабы он надписал своим именем первую часть истории его приключений, в которой он уже едва узнавал что-либо из пережитого им на самом деле. Было очевидно: там, где Мармадюку не хватает фактов, он дает полную волю фантазии.

К третьей, последней части, опубликованной на прошлой неделе, Мэтью из простого горожанина, каких в 1702 году проживало в Нью-Йорке примерно пять тысяч, превратился в рыцаря справедливости, не только предотвратившего крах экономических основ колонии, но и спасшего всех девиц города от похотливых приспешников Капелла. Бежал без оглядки вместе с Берри по засохшему винограднику, когда их по пятам преследовали пятьдесят головорезов и десять дрессированных ястребов? Дрался на шпагах сразу с тремя кровожадными пруссаками? Да, зерно правды в этих рассказах было — но обросло толстой мякотью вымысла.

Как бы то ни было, для Григсби и его «Уховертки» эти истории оказались подарком судьбы, и народ не только в тавернах, но и у колодцев и лошадиных поилок взахлеб обсуждал прочитанное. По слухам, кое-кто даже видел, как сам губернатор, лорд Корнбери, прохаживаясь в один прекрасный день по Бродвею в золотистом парике, белых перчатках и роскошном женском наряде — в честь своей кузины королевы Анны, увлеченно изучал свежий выпуск газеты подкрашенными в фиолетовый цвет глазами.

На углу Куин-стрит и Уолл-стрит напористый ветер завихрил вокруг Мэтью целую смесь запахов: рыбы, дегтя, причальных свай, животных и их кормов на скотопригонных дворах, содержимого ночных горшков, выплеснутого из окон на булыжные мостовые, и горьковато-сладкого винного аромата

ночной Ист-Ривер. Если Мэтью находился сейчас не в сердце Нью-Йорка, то уж точно в его носу.

Ветер хлестал по фонарям, свисавшим со столбов на углах улиц, и гасил их пламя. Закон обязывал жителей каждого седьмого дома предоставить по светильнику, но сегодня никто — ни совершавшие обход констебли, ни даже их глава Лиллехорн, сколько бы он сам себя ни расхваливал, — не смог бы приказать ветру пощадить хотя бы один фитиль. Это нескончаемое бесчинство, начавшееся около пяти часов и, по всем признакам, утихать не собиравшееся, и заставило Мэтью вступить в мысленный философский диалог с разбушевавшимся задирой-ветром. Нужно было прибавить шагу: даже не доставая серебряных часов из кармана жилета, он знал, что уже на несколько минут опаздывает.

Довольно быстро дойдя до Брод-стрит, теперь уже подталкиваемый ветром в спину, Мэтью перешел по булыжникам на другую сторону и при свете истязаемого ветром, но еще не добитого фонаря разглядел ждавшего его начальника. Их контора находилась чуть дальше по Стоун-стрит, в доме номер семь, где нужно было взойти по узкой лестнице на верхний этаж — там, если верить молве, до сих пор обитали призраки прежних съемщиков, прикончивших друг друга из-за кофейных зерен. За последние недели Мэтью несколько раз слышал скрип и какие-то глухие удары, но был уверен, что это просто голландские камни брюзжат, оседая в английскую землю.

Не успел Мэтью подойти к Хадсону Грейтхаусу, одетому в монмутскую шерстяную шапку и длинный черный плащ, ревящий за ним подобно вороновым крыльям, как тот широким шагом сам направился к нему и, на ходу перекрикивая ветер, громко приказал:

— Следуй за мной!

Мэтью подчинился и снова едва не лишился треуголки, разворачиваясь, чтобы идти в обратную сторону. Грейтхаус легко шел навстречу ветру, как будто был его властелином.

— Куда мы идем? — крикнул Мэтью, но то ли его слова не долетели до Грейтхауса, то ли тот не соизволил ответить.

Хоть они и служили в бюро «Герральд» в одной связке, никому не пришлось бы в голову назвать этих двух «решателей

проблем» братьями. Мэтью был высок и строен, но при этом крепок, как речной камыш. Лицо у него было худощавое, с вытянутым подбородком, а из-под угольно-черной треуголки выбивалась копна тонких черных волос. Его бледность, подчеркиваемая светом фонаря, свидетельствовала о том, что он человек читающий, а по вечерам допоздна засиживается за шахматной доской в любимой таверне «Рысь да галоп». Недавно приобретенная известность и убежденность в том, что он ее заслужил, так как действительно чуть не погиб, защищая справедливость, пробудили в нем желание одеваться так, как подобает нью-йоркскому джентльмену. В новом черном сюртуке и жилете в тонкую серую полоску (одном из двух костюмов, сшитых ему на заказ Бенджамином Аулзом) он выглядел настоящим денди. Новые черные сапоги, доставленные не далее как в понедельник, были начищены до глянцевого блеска. Он заказал себе терновую трость, с какими, как он успел заметить, разгуливали по городу многие важные молодые господа, но, так как эту вещь везли из Лондона, насладиться ее обладанием ему предстояло не раньше весны. Он всегда был идеально опрятен и чисто выбрит. Прямой, твердый, внимательный взгляд холодных серых глаз с оттенком сумеречной синевы был ясен и совершенно в этот вечер безмятежен. Об этом взгляде некоторые сказали бы (а Григсби так и написал во второй части), что под его действием «разбойник сбрасывает с себя бремя зла, дабы оно не сковало его тяжестью каторжных цепей».

Да уж, умеет старый писака блеснуть словом, подумал Мэтью.

Хадсон Грейтхаус, который свернул налево и, уже прилично оторвавшись от своего младшего коллеги, размашисто шагнул по Брод-стрит на север, был по сравнению с Мэтью как молот на фоне отмычки. При встрече с этим сорокасемилетним широкоплечим здоровяком ростом шесть футов три дюйма большинство мужчин опускали взор в землю, надеясь обрести храбрость. Когда Грейтхаус в каком-нибудь помещении обводил всех своими черными, глубоко посаженными глазами на потрепанном морщинистом лице, мужчины застывали на месте, боясь привлечь к себе его взгляд. На женщин же он

производил прямо противоположное действие: Мэтью приходилось видеть, как самые набожные из них превращаются в щебечущих кокеток, едва уловив благоухание лаймового мыла для бритья, которым пользовался Грейтхаус. И в отличие от Мэтью, здоровяк презирал выкрутасы последней моды. Костюм, пошитый у дорогого портного? Об этом не могло быть и речи. Самой большой его уступкой щегольству была светло-голубая рубашка с оборками, чистая, но изрядно поношенная, которую он надевал с обыкновенными серыми бриджами, простыми белыми чулками и жесткими нечищеными сапогами. Из-под шапки виднелись густые волосы с сединой, отливавшей сталью, собранные сзади в косицу и перевязанные черной лентой.

Если и было между ними что-то общее, помимо работы в бюро «Герральд», так это шрамы. Мэтью удостоился отметины в виде полумесяца, начинавшейся прямо над правой бровью и, изгибаясь, шедшей вверх через весь лоб, — она всю жизнь будет напоминать ему о схватке с медведем, в которую он вступил три года назад в лесных дебрях, и ему еще повезло, что он продолжает ходить по земле. Лицо Грейтхауса украшал ломаный шрам, рассекший левую бровь, — им его наградила третья жена, метнувшая в него разбитую чашку (рассказывал он об этом с обидой). Жена, разумеется, бывшая, и Мэтью не спрашивал, что с ней потом случилось. Но справедливости ради стоит сказать, что настоящую коллекцию шрамов — оставленных кинжалом убийцы, мушкетной пулей и ударом шпаги наотмашь — он носил под рубашкой.

Они приближались к величественному трехэтажному зданию ратуши, построенному из желтого камня там, где Брод-стрит встречалась с Уолл-стрит. В некоторых окнах горел свет: дела городские заставляли чиновников работать допоздна. Здание окружали строительные леса: на самом верху крыши, дабы флаг Соединенного Королевства развевался поближе к небесам, возводилась башенка. Мэтью подумал: каково там сейчас городскому коронеру, дельному, но чудаковатому Эштону Маккаггерсу, слушать, как рабочие колотят молотками и что-то пилят прямо у него над головой, ведь он жил в своем удивительном музее скелетов и других зловещих экспонатов на

чердаке ратуши. Грейтхаус свернул направо и пошел по Уолл-стрит в сторону гавани. Мэтью представил себе, как раб Маккаггерса Зед скоро заберется в башенку и будет созерцать оттуда кипящую жизнь растущего города и морского порта, — Мэтью знал, что этот великан-африканец любит тихонько посидеть на крыше, глядя, как мир под ним торгуется, трудится, ругается и вообще борется сам с собой.

Они прошли еще немного, повернули налево за «Кошачьей лапкой», и Мэтью понял, куда Грейтхаус ведет его.

С тех пор как в середине лета был положен конец террору, развязанному Масочником, в городе больше не происходило убийств. Если бы Мэтью вдруг вздумалось показать какому-нибудь приезжему место, где вероятнее всего можно было бы стать свидетелем кровавой расправы, то это было бы помещение за обшарпанной красной дверью, к которой сейчас подходил Грейтхаус. Выдавшая виды красная вывеска над дверью гласила: «Петушиный хвост». Фасадное окно таверны всегда высаживали в драках уже столько раз, что теперь оно было просто заделано грубыми досками, сквозь щели между которыми на Уолл-стрит просачивался грязный свет. В Нью-Йорке имелось десятка полтора таверн, но этой Мэтью избегал старательнее всего. Пестрая компания жуликов и толстозадых спесивцев, мнящих себя виртуозами финансов, за спорами о цене на такие товары, как зельц из свиных голов и бобровые шкурки, заправлялась здесь самым дешевым, самым отвратительным и самым крепким яблочным бренди из всех, что когда-либо воспламеняли человеческий мозг.

К огорчению Мэтью, Грейтхаус открыл дверь и, повернувшись, кивком велел ему заходить внутрь. На улицу выплеснулся желтый свет и потянулось облако табачного дыма, тут же развеянное ветром. Мэтью стиснул зубы, сделал шаг к страшной двери, и тьму пронзила вспышка молнии, а оттуда, где Господь наблюдал за проклятыми дураками, донесся гром литавр.

— Дверь закрой! — тут же злобно заорал кто-то каркающим голосом, как будто выстрелили из пушки, заряженной выводком лягушек-быков. — Вонь выпустишь!

— Ну да, — сказал Грейтхаус, любезно улыбаясь, когда Мэтью ступил в пропахшее всякой мерзостью помещение. — Этого бы мы не пережили, правда?

Он закрыл дверь, и тощий седобородый господин, сидевший на стуле в глубине зала и перед тем жестоко пытавший хорошую скрипку, тотчас же снова принялся издеваться над слухом присутствующих.

Высившийся за стойкой бара мордovorот по имени Лайонел Скелли (ну вылитая лягушка-бык), наделенный громовым голосом (что твоя пушка) и огненно-рыжей бородой, свисавшей почти до низа его заляпанного грязью кожаного жилета, вернулся к прерванному занятию: он наливал свежую (не совсем верное тут слово) кружку яблочной отравы посетителю, устремившему рыбий взгляд на вошедших.

— Эй, вы! — приветствовал их Сэмюэль Бейтер, известный тем, что откусил в драках не один нос. Но этим его добродетели не исчерпывались: еще он был заядлым игроком, безжалостно лупил жену и немало времени проводил у красоток из розового дома Полли Блоссом на Петтикоут-лейн. Лицо у него было плоское, злое, с коротким носом задиры. Мэтью решил, что человек этот или уже вдребезги пьян, или просто глуп как пробка, раз присутствие Хадсона Грейтхауса не напугало его. — Юный герой и его хозяин! А ну-ка, идите сюда, выпейте с нами!

Бейтер ослабилсЯ и поднял кружку, выплеснув на дощатый пол некоторое количество коричневой маслянистой жидкости. Под «нами» он подразумевал себя и своего собутыльника Боскинза — нового человека в городе, приехавшего из Англии в середине сентября. Солидностью телосложения тот не уступал Грейтхаусу: квадратные плечи бугрились под едва не лопающимся темно-коричневым сюртуком. Свою треуголку цвета бродвейской грязи он снял, и было понятно, отчего Боскинза прозвали Твердолобым: череп его был совершенно голым. Широкий лоб действительно выдавался вперед над нависшими черными бровями, как костяная стена. Мэтью о Боскинзе было известно, только что ему слегка за тридцать и он нигде не работает, но мечтает заняться пушным промыслом. Боскинз курил глиняную трубку, поглядывая то на Мэтью, то

на Грейтхауса бледно-голубыми глазами, в которых можно было прочесть разве что полное равнодушие.

— Мы кое-кого ждем, — спокойно и непринужденно сказал Грейтхаус. — Но в другой раз — обязательно.

Не дожидаясь ответа, он подхватил Мэтью под локоть и повел к одному из столов.

— Садись, — едва слышно произнес Грейтхаус, и Мэтью, с шумом отодвинув стул, сел.

— Как скажете. — Бейтер, изрядно отпив из кружки, высоко поднял ее и слегка растянул губы в улыбке. — Тогда за юного героя. Говорят, Полли нынче сильно тобой увлечена.

Грейтхаус сел спиной к углу зала, и его лицо расслабилось. Мэтью оценил обстановку в заведении. С крюков под закопченными потолочными балками свисало на цепях десять-двенадцать грязных фонарей. В клубах табачного дыма сидели еще семеро мужчин и одна растрепанная краснощекая толстушка. Двое посетителей успели отключиться, и их головы покоились на столе в серой луже жидкости, которая, возможно, недавно была похлебкой из моллюсков. Нет, тут был еще восьмой, он, тоже в бессознательном состоянии, уткнулся лицом в стол слева от Мэтью. Мэтью узнал зеленый фонарь городского констебля Диппена Нэка. Тот поднял опухшие глаза и попытался сфокусировать взгляд. Рядом с перевернутой кружкой злобного коротышки лежала его черная дубинка.

— А, это вы, — скрипучим голосом произнес Нэк, и лоб его тут же с глухим стуком ударился о дерево.

— Уж так увлеклась, — продолжал Бейтер; очевидно, он все-таки был не столько пьян, сколько глуп. — Твоими приключениями, конечно. Я слышал, она тебе этот — как там она его называет — «сезонный билет» сделала?

Действительно, вскоре после того, как в «Уховертке» напечатали первую часть, Мэтью в контору пришло приглашение на изящной бумаге. Он не собирался им воспользоваться, но предложение оценил.

— Твердолобый, ты же читал про Мэтью Корбетта? Если бы не он, мы не могли бы сейчас спокойно ходить ночью по улицам! Даже пойти выпить или перепихнуться не смогли бы. Да, Полли теперь о нем только и говорит, — сказал Бейтер,

и голос его немного посуровел. — О том, какой он джентльмен. Какой умный да какой благородный. Как будто мы, остальные мужики, — шваль какая-нибудь, а она нас только терпит. Мы шваль, ни на что не годная, зато про него эта потаскуха часами может трендеть!

— Да выдумки все это, вранье, вот что я вам скажу! — заявила растрепанная толстуха, облаченная в колбасную кожуру, которая тридцать фунтов тому назад была платьем. — Кто бы это живым остался, когда с пятью десятками дерешься? Верно, Джордж?

Ответа не последовало, тогда она пнула ногой табуретку под одним из посетителей, находившихся в бессознательном состоянии, и тот глухо застонал.

— Пятью десятками! — Диппен Нэк снова приподнял голову.

От такого усилия на его румяных, как у херувима, щечках заблестел пот. Правда, Мэтью считал, что в констебле больше от беса, чем от ангелочка. Он был невысокого мнения о человеке, способном украсть ключи от тюрьмы и пойти ночью молиться на заключенных.

— Врут, сволочи! — продолжал констебль. — Я вот гаденыша Эванса повязал и Корбетту жизнь спас, а меня в этой газетенке даже не упомянули! Еще и ножом в руку за свои старания схлопотал! Несправедливо это!

Нэк издал сдавленный звук, будто вот-вот заплачет.

— Ясное дело, Сэм, брешет он все, — сказал Твердолобый, отхлебнув из кружки, — зато приоделся нарядно. Годный костюмчик — как раз такому умному петушку пощеголять. Во сколько он тебе обошелся?

Произносил это Твердолобый, уставившись в свое пойло.

Мэтью, кажется, начинал понимать, зачем Грейтхаус притащил его сюда — не куда-нибудь, а в эту таверну, где, как ему было известно, два человека погибли в жестоких драках на этом вот полу, похоже, больше залитом кровью, чем бренди. Поработав секретарем у мирового судьи Натаниела Пауэрса, Мэтью также знал, что и сам Лайонел Скелли не прочь иногда применить физическую силу: однажды хозяин таверны отрубил посетителю руку топором, который он держит за

стойкой. В общем, таскать монеты из ящичка, служившего в этом заведении кассой, — дело рискованное.

На вопрос Твердолобого ответил Грейтхаус:

— Куда дороже, чем следует, как по мне.

Повисла тишина.

Боскинз медленно поставил кружку на стойку и воззрился на Грейтхауса. Теперь уже Твердолобый совсем не казался очень пьяным или чересчур глупым, — видимо, и того и другого в нем было сейчас в самый раз, чтобы запалить фитиль. Кажется, он был даже весьма уверен в своей способности кого-нибудь изувечить. Да что там, ему уже просто не терпелось.

— Я с нашим юным героем говорю, — сказал он. — А не с тобой, старичок.

Так, подумал Мэтью, сердце его забилось чаще, а в животе стало неуютно. Ну конечно. Этот сумасшедший, этот маньяк привел его сюда, чтобы подраться. Мало того, что Мэтью, не щадя себя, учится фехтовать, чертить карты, стрелять из кремневого пистолета и ездить верхом; мало того, что он осваивает другие подобные искусства, необходимые в их профессии, и преуспевает в них. Так нет же, он, видите ли, недостаточно быстро усваивает премудрости этого бессмысленного занятия, навязанного ему Грейтхаусом, — «кулачного боя». «Помни, — много раз говорил Грейтхаус, — сначала дерешься умом, а потом — мускулами».

Видимо, Мэтью предстояло своими глазами увидеть, как работает ум здоровяка. «Да помогут нам Небеса», — подумал он.

Грейтхаус встал. Он все еще улыбался — правда, уже едва заметно.

Мэтью снова пересчитал присутствующих по головам. Скрипач больше не пикивал. Интересно, он боец или здесь просто для антуража? Джордж и его товарищ, пребывавший в обморочном состоянии, так и лежали лицами в стол, но одного шлепка хватило бы, чтобы вернуть их к жизни. Кто знает, как поведет себя Диппен Нэк? Толстая растрепанная ухмылялась, передние зубы у нее уже были выбиты. Бейтер, вероятно, подождет, пока Твердолобый не проломит кому-нибудь череп, а потом начнет отгрызать носы. У Скелли всегда под рукой топор. Из оставшихся пятерых двое походили на неотесанных рабо-

тяг с причала, истосковавшихся по хорошему мордобою. Еще трое — за столом в глубине зала, хорошо одеты, вряд ли им захочется изорвать свои костюмчики. Они попыхивали длинными трубками, как у церковных старост, хоть сами служителями алтаря явно не были. «Как кости лягут», — подумал Мэтью, все-таки еще надеясь, что Грейтхаус не настолько безрассудный игрок.

Вместо того чтобы двинуться на Твердолобого, Грейтхаус небрежно снял шапку и плащ и повесил их на кольшки в стене.

— Мы посидим тут немного. Как я уже сказал, мы кое-кого ждем. Ни мистеру Корбетту, ни мне не нужны неприятности.

Кое-кого ждем? Мэтью представления не имел, о чем это он.

— Ну и кого же вы ждете? — Твердолобый прислонился к стойке и скрестил толстые руки на груди. Шов на его плече вполне мог прямо сейчас лопнуть. — Подружку свою, лорда Корндыра?

Рядом с ним захихикал Бейтер.

— Нет, — ответил Грейтхаус, — мы ждем человека, которого я, возможно, приму на работу в наше бюро. Мне показалось, что было бы интересно встретиться здесь.

В эту секунду открылась дверь. Мэтью увидел тень, упавшую на порог, и услышал звук тяжелых шагов. Грейтхаус сказал:

— А вот и он!

В таверну вошел невольник Зед в черном сюртуке, белых чулках и шейном платке из белого шелка.

В таверне стало тихо, слышно было лишь напряженное дыхание. У Мэтью глаза полезли на лоб. Он резко повернул голову к Грейтхаусу, чуть не сломав себе шею, и с трудом выговорил:

— Вы с ума сошли?

СОДЕРЖАНИЕ

МИСТЕР МОРГ

Роман

Часть первая. ЗУБ ЧУДОВИЩА	7
Часть вторая. ДОЛИНА СУДА	83
Часть третья. ВРЕМЯ ДЛЯ АНГЛИЧАНИНА ОСТАНАВЛИВАЕТСЯ	181
Часть четвертая. СТРАНА ГРЕМУЧИХ ЗМЕЙ	277
Часть пятая. ДОРОГА В РАЙ	341
Часть шестая. ВСТРЕЧА ПОЛУНОЧНИКОВ	417

СМЕРТЬ ПРИХОДИТ ЗА БОГАЧОМ

Повесть

1. Лорд Мортимер надеется	465
2. Самый подходящий человек	472
3. Грехи и мерзости	484
4. Я не ангел	492
Мир Мэтью Корбетта	504

Маккаммон Р.

М 15 Мистер Морг : роман, повесть, статья / Роберт Маккаммон ; пер. с англ. А. Александрова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 512 с. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-19070-2

Мэтью Корбетт — бывший секретарь мирового судьи, а теперь младший «решатель проблем» в сыском бюро «Герральд» — стал в колониальном Нью-Йорке знаменитостью: первый в Новом Свете таблоид «Уховертка» красочно живописал его подвиги, в том числе — разоблачение серийного убийцы по прозвищу Масочник. И вот губернатор лорд Корнбери поручает Мэтью и его старшему партнеру Хадсону Грейтхаусу особо ответственное задание — транспортировать из Уэстервикской лечебницы для душевнобольных коварного убийцу Тирантуса Морга, выдачи которого требует метрополия; тот должен предстать перед судом в Лондоне за многочисленные убийства, грабежи и другие преступления. Разумеется, мистер Морг приложит все свои силы и коварство, чтобы сбежать от конвоиров...

«Увлекательный исторический детектив от автора, который мог потягаться на его поле с самим „королем ужасов“ Стивеном Кингом» (*Publishers Weekly*) публикуется в новом переводе, а также с дополнительными материалами.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

РОБЕРТ МАККАММОН
МИСТЕР МОРГ

Редактор Александр Гузман
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Татьяна Раткевич
Корректоры Валентина Гончар, Маргарита Ахметова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 16.05.2022. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 32.
Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

18+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru



Y-ABB-27763-01-R